

ЧУВСТВО ТАНЦА

— Я очень критически к себе отношусь, — несколько раз повторил в разговоре со мной Владимир Ким, — к своим способностям, данным. Ну, конечно же, кое-что у меня есть: прыжок какой-то там, стопа... Достоверно про себя знаю только то, что у меня есть чувство танца, оно живет где-то там, глубоко-глубоко внутри меня, от Бога ли оно, от природы, не знаю, а знаю только, что оно у меня есть.

Владимир Ким, солист ансамбля «Хореографические миниатюры», обладает великолепными данными как танцовщик и находится в расцвете творческих сил. Недавно состоялся его бенефис. Концерт открыла композиция из балета Л. Якобсона «Шурале», где Ким выступил в заглавной роли.

...В темно-зеленом сумраке ночного леса, где шорохи глухи, таинственны, грозны, происходило чудо: ожила одна из древних и корявых веток. Вот появилась вдруг рука, как вновь образовавшийся побег, зашевелилось, как взбухающий ком мха, вдоль ветки вытянувшееся, сросшееся с ней тело, блеснули серебром глаза и — Леший закружился-завертелся в танце, что был подобен фантастическому узору, рисуемому ветром, то порывистым и сильным, то тихим, вкрадчивым и шаловливым. Настал час власти Лешего, час коварства, волшебства и козней. То ящеркой скользя, взлетая вверх, подобно вихрю кружимых ветром листьев, слагал он свою языческую песню.

В. Ким неспроста остановился на этой именно роли: хотел так выразить и дань памяти великому Якобсону, на творчестве которого вырос, хотя работать с самим мастером ему, к сожалению, не пришлось — Ким пришел в труппу в год смерти Якобсона. Леший к тому же — одна из лучших гротесковых партий в репертуаре самого Кима, которые во многом определили его жизнь. Так творческий вечер стал как бы своеобразным сколком с его артистической судьбы.

Второе отделение концерта открыл одноактный балет М.

Фокина «Видение розы», в котором партию духа, аромата розы Ким мечтал станцевать давно: Партия вполне отвечала его данным, а также его романтическому мироощущению, чуткому и к лирико-позитивской структуре роли. Но, к сожалению, из всех ролей Кима именно она прозвучала наименее удачно в тот вечер. Причина — недостаток репетиций, отсюда и художническая незавершенность роли, которая сказалась даже в гриме и костюме. Два следующих номера, однако, раскрыли в полном блеске его талант и подвели здесь некоторый итог. В классическом паде-де из балета М. Петипа «Станисла» Ким блистал вместе с Маргаритой Кулик: течение формы классических па, импровизационная легкость уподобляли их танец блистающей граней бриллиантов, радостной игре их радужных цветов, а карнавальное лицедейство сообщало этому сиянию масштаб всеобъемлющего праздника.

Однако вершиною стал в

тот вечер «Вестрис» — концертный номер, придуманный Леонидом Якобсоном, рассказывающий о великом французском танцовщике XVIII века Газтано Вестрисе, которого современники называли за его искусство «богом танца»... Белый пудренный парик, камзол, украшенный серебряной вязью, скульптурность изящных па, регламентированная красота — художественный идеал эпохи, придворный театр как придворный этикет. Но вот актер меняет маску, и жизнь обнаруживает свое уродливое лицо, чуждое гармонии. Это — ад, падение. Театр ли это Вестриса, рожденный его талантом, или сама жизнь, что окружала его? Танцовщик не дает нам однозначного ответа, и в этом, может быть, самая большая удача — артист умеет подчинить действие вольному полету фантазии.

Л. КОРОСТЕЛЕВА

На снимке: Владимир Ким — Вестрис.

Фото В. ЗЕНЗИНОВА